

В последнее время она плохо спала, то и дело просыпаясь от кошмаров, и сильно осунулась. На этот раз ей даже не нужно было специально пудриться темным порошком, чтобы выглядеть бледной. Прижавшись к отцу, Чжун Вэнь чувствовала себя наиболее спокойно, но, к сожалению, такие моменты выпадали редко.

Когда это началось? Казалось, прошло так много времени, что она сама едва помнила. Месяц? Да, верно, всё пошло наперекосяк с того дня, как дома начали готовить красных раков...

Сейчас как раз самая горячая пора для крестьян.

Все члены семьи Чжун, способные работать в поле, были заняты уборкой, а дети тоже не сидели без дела: собирали траву для свиней, сторожили зерно — дел было много. В этом году Чжун Цинжань перестал слоняться без дела. Мать и тётушки были заняты уборкой, поэтому он взял на себя торговлю красными раками. Даже о своём маленьком бизнесе он забыл. Раз Цзянь Миньюй сказал, что всё в порядке, он полностью доверился ему.

Первый раз, когда Чжун Цинжань вышел торговать, за ним наблюдали все тётушки. Это было редкое зрелище: любимец семьи Чжун помогает в торговле, и при этом всё делает правильно. Раньше они слышали, что Чжун Цинжань продавал красных раков в других деревнях, но никто не придавал этому значения. Думали, что за прилавком сидит парень из семьи Цзянь, а Чжун Цинжань просто для вида. Кто бы мог подумать, что он действительно умеет это делать.

Однако все просто посмотрели из любопытства и пошли заниматься своими делами. Сейчас ни у кого не было времени на пустяки.

Уборка урожая означала, что торговля едой будет идти лучше обычного.

Люди обычно экономили на еде, но в эти дни экономить было нельзя. Если в доме была хоть какая-то еда, покупали немного мяса, чтобы поддержать тех, кто работал в поле. Те, кто не мог позволить себе мясо, старались хотя бы накормить работающих досыта.

Семья Чжун продавала красных раков и немного улиток, и дела шли вверх. Чжун Цинжань был занят, и время пролетело незаметно. Прошло несколько дней, и они прошли тише воды, ниже травы.

У Чжун Чжэнли было только два дня отпуска, и на рассвете третьего дня он отправился обратно в уезд Пинъян. Госпожа Чжан с тремя дочерьми проводила его до пристани и, только когда его фигура скрылась из виду, неохотно поплелась домой.

— Мама, ты скоро пойдёшь в поле, а на улице ещё жарко. Береги себя, не работай на износ, а то опять перегреешься, и бабушка будет бранить. — Чжун Вэнь тихо сказала.

— Вэнь, у меня здоровье крепкое. Твоя бабушка в этот раз не пойдёт в поле, так что не станет специально следить за мной. Я не дура, чтобы использовать себя как рабочий скот. — Госпожа Чжан улыбнулась, глядя на трёх дочерей шеренгой, и в сердце её шевельнулось сожаление.

Чжун Вэнь больше ничего не сказала, но в тот день несколько раз ходила в поле под разными предлогами: то приносила воду, то отвар от жары, что даже заставило госпожу Тун, занятую на кухне, коситься на неё.

В тот день ничего не случилось, и Чжун Вэнь опустила веки, скрывая недоумение. На следующий день она снова стала часто носить на поле питьё и еду, за что получила похвалу от всей семьи.

Услышав об этом, Чжун Цинжань стал чаще поглядывать на троюродную сестру. Если за кем-то следить, можно кое-что разглядеть. Чжун Цинжань присмотрелся и наконец нашёл зацепку.

Чем больше он наблюдал, тем больше замечал странностей в Чжун Вэнь. Обычно она улыбалась всем, говорила мало, работала ровно столько, чтобы не было претензий, и не высывалась. В целом она производила впечатление человека-невидимки. Только в последние дни Чжун Цинжань стал слышать от родных обрывки фраз о ней.

Чжун Вэнь чувствовала случайные взгляды Чжуна Цинжана, но продолжала вести себя не так, как раньше. В последние дни её мучили кошмары, и в сердце переплетались чувство вины и ненависть. Она не хотела, чтобы сны стали явью.

Чжун Цинжань заподозрил неладное, но сначала исключил возможность того, что она, как и он, попала сюда из другого мира. Судя по её словам и поведению, она была коренной жительницей династии Великая Чжоу, и интуиция подсказывала то же самое. Что касается перерождения или пророчеств — он не знал, что именно, но в одном был уверен: Чжун Вэнь была не от мира сего.

Чжун Цинжань немного растерялся. В памяти этого тела не было ничего, что могло бы вызвать такую ненависть. Он был чуть высокомерен, из-за чего братья и сёстры могли его завидовать или недолюбливать, но это не доходило до того, чтобы родные оставили умирать. Он был в тупике и мог только гадать: видимо, Чжун Вэнь действительно обладала даром предвидения или переродилась.

Если она переродилась, то можно с уверенностью сказать: в её прошлой жизни его не было, иначе разве он стал бы сам заниматься улитками и красными раками?

Поняв это, Чжун Цинжань почувствовал себя не в своей тарелке. Наличие рядом человека, знающего будущее, всегда вызывает дискомфорт. Похоже, ему придётся действовать ещё осторожнее, его расслабленность сменилась бдительностью.

После нескольких дней, когда Чжун Вэнь носила на поле припасы, она сама вышла работать и осталась рядом с госпожой Чжан.

— Сяовэнь, тебе здесь нечего делать, беги домой. — Госпожа Чжан подняла голову и увидела, что старшая дочь, согнувшись в три погибели, пытается справиться со стеблями пшеницы.

— Мама, всё в порядке. Дома мне всё равно придётся работать. Ты так устаёшь, я хочу побыть с тобой. — Чжун Вэнь решила прилипнуть и не уходить.

Госпожа Чжан и правда чувствовала усталость, разогнулась и снова взялась за работу, пробормотав:

— Что ты творишь? Сравнишь сбор травы для свиней с этим? Попробовать можно, но потом иди домой, ладно?

Чжун Вэнь посмотрела на лицо матери и не стала настаивать:

— Хорошо, мам. Как скажешь. Как устану — уйду.

Госпожа Чжан больше ничего не сказала, а несколько невесток, работавших рядом, оглянулись на неё пару раз и перестали обращать внимание.

Чжун Вэнь разделила внимание между матерью и своей работой. К счастью, на её участке было всего пару пшеничных стеблей, иначе она бы не успевала за опытной госпожой Чжан.

Чжун Вэнь была дев упрямой, и это было видно раньше. Она снова прибегла к старому трюку: на словах соглашалась, а по-своему делала. Госпожа Чжан несколько раз говорила ей, но, видя, как Чжун Вэнь с обмотанной тканью рукой упрямо вцепилась в серп, и сама чувствуя себя разбитой, лишь хватало сил на пшеницу, махнула рукой.

Чжун Вэнь продержалась два дня, но потом поняла, что так дальше нельзя:

— Мама, ты выглядишь плохо. Может, отдохнёшь дома пару дней?

Госпожа Чжан и сама чувствовала себя не в своей тарелке. В последние дни она быстро уставала, но больше ничего не беспокоило. Поразмыслив, она сказала:

— Бабушка не согласится.

Сказав это, она тихо прошептала Чжун Вэнь на ухо пару слов. Лицо Чжун Вэнь озарилось улыбкой, но, выйдя за порог, она снова приняла привычный облик незаметной третьей дочери семьи Чжун с лёгкой улыбкой.

Когда солнце перестало палить, семья Чжун собралась в путь, но тут госпожа Тун обнаружила, что невестки третьего сына нет в строю. Она открыла рот и довольно недовольно крикнула:

— Третья дочь, ступай посмотри, что твоя мать там в комнате делает. Уже который час, нам всей семье из-за неё ждать?

Чжун Вэнь бегом пустилась во второй двор, распахнула дверь и увидела госпожу Чжан, бледную, лежащую на кровати. В этот миг ей показалось, что она попала в сон и не может отличить реальность от наваждения.

Госпожа Чжан привстала, выглянула в окно, убедившись, что никого нет, и тихо, но строго приказала:

— Вэнь, чего стоишь? Действуй по плану.

Чжун Вэнь очнулась, развернулась и с криком выбежала из комнаты:

— Бабушка, мама заболела! Она побледнела и не может встать с кровати!

Госпожа Тун, бормоча ругательства, сама пошла смотреть:

— Эта расточительница! Прошло всего несколько дней, как она умудрилась заболеть? Что она, золотая, что ли?

Увидев госпожу Чжан, действительно лежащую в постели с больным видом, госпожа Тун не усомнилась. Как бы ни было ей жалко, она не могла оставить невестку дома без присмотра:

— Третья дочь, беги зови лекаря. Совсем ни на что не годна.

В деревне Хэвань было два лекаря, оба из семьи Чжун. Чжун Вэнь позвала Чжун Чжэнсяо, который часто бывал у них в доме и был старше Чжун Чжэнжэня.

В семье Чжун не было строгих правил, поэтому Чжун Чжэнсяо, осмотрев внешние признаки,

небрежно положил на руку госпожи Чжан платок и принялся щупать пульс. Проверив три раза, он перешел от сомнений к уверенности:

— Тётя, жена Чжэнли в положении. За эти дни жатвы она, видимо, устала, но ничего серьёзного. Отдохнёт пару деньков — и всё пройдет.

Услышав это, глаза госпожи Чжан блеснули, а на бледном лице выступил румянец. После рождения третьей дочери, Чжун Лэ, прошло уже пять-шесть лет, как не было детей, и она так хотела ещё одного. Это была настоящая радость.

<http://bllate.org/book/16837/1548078>